

Сведения об авторе

Логинов Константин Кузьмич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Loginov Konstantin K.

PhD (History), Senior Research Fellow of the Institute of language, literature and history, Karelian Scientific center of RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.77-92

УДК 373.1:376.72'18'

Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина, К. С. Казакова

СИСТЕМА ИНСПЕКТИРОВАНИЯ И КОНТРОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИЛИЩ СВЕТСКОГО И ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВ В XIX ВЕКЕ: ЦЕЛИ, ФОРМЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация

В статье анализируется система инспектирования начальных училищ светского и духовного ведомств. Показано, что на протяжении XIX в. контроль за деятельностью учебных заведений в отдаленных северных уездах Архангельской и Олонецкой губерний осуществлялся в форме визитаций столичных чиновников. На архивном материале можно представить, какую роль в первой трети XIX в. играл столичный университет в системе управления подведомственными учебными заведениями. Выявлено, что визитации как форма личного контроля использовались и в светском, и в духовном ведомстве для оценки состояния просвещения в отдаленных губерниях Северо-Запада.

Ключевые слова:

визитации, инспектор, система учебных заведений, университет, Олонецкая губерния, Кольский Север.

Tatyana N. Zhukovskaya, Elena A. Kalinina, Ksenia S. Kazakova

SYSTEM OF INSPECTION AND CONTROL OF THE SCHOOLS ACTIVITIES OF SECULAR AND RELIGIOUS DEPARTMENTS IN THE 19TH CENTURY: PURPOSES, FORMS, EFFICIENCY

Abstract

The article analyzes the system of inspection of primary schools of secular and religious departments. It is shown that the control over the activities of educational institutions in the remote northern districts of the Arkhangelsk and Olonets provinces was carried out in the form of visits by capital officials over the course of the 19th century. On the archival material it is possible to imagine what role the metropolitan university played in the management system of the subordinate educational institutions in the first third of the 19th century. It was revealed that the visits as a form of personal control were used both in the secular and in the religious departments to assess the state of education in the remote provinces of the North-West.

Keywords:

visits, inspector, school system, university, Olonets province, Kola North.

О визитациях системы светских училищ

В первой половине XIX в. Архангельская и Олонецкая губернии входили в состав Санкт-Петербургского учебного округа. В этот период Олонецкая губерния и отдельные уезды Архангельской губернии были слабо заселенной территорией с неразвитой сетью дорог и малым количеством поселений. Так, в Олонецкой губернии единственным городом, сложившимся вокруг крупного промышленного предприятия (Александровского чугунолитейного завода), имевшим в первой половине XIX в. городскую по стилю хозяйственную и культурную жизнь, был Петрозаводск. В нем уже с 1796 г. действовало Главное народное училище. С началом образовательной реформы Александра I главные народные училища, открытые в губернских городах при Екатерине II, постепенно преобразуются в губернские гимназии. В Петрозаводске и Архангельске эти преобразования произошли в 1811 г. — во время визитации профессора Петербургского университета П. Д. Лодия. В уездных городах северных губерний открываются уездные училища (в 1808 г. в Олонецкой — 4, в 1811 г. в Архангельской — 3). Формирование уездных училищ проходило на базе уже существовавших в то время главных и малых народных училищ. Правительство предполагало открыть в стране 405 таких школ. Их преобразование происходило постепенно и продолжалось в течение всей первой половины XIX в.: в 1808 г. в 486 уездных городах России имелось 126 школ, где обучалось 12 839 учащихся, а в 1855 г. — уже 439 училищ (на 27 309 учеников) [Князьков, Сербов, 1910: 189]. Однако даже к середине XIX в. далеко не во всех уездных городах Северо-Запада были открыты такие школы. Например, в уездных городах Пинеге и Коле Архангельской губернии, в Повенце, Пудуже и Лодейном Поле Олонецкой губернии училища к этому времени так и не открылись, здесь действовали только приходские школы. В 1804–1805 гг. в Олонецкой губернии было открыто 24 такие школы, в Архангельской — 12 [Жуковская, Калинина, 2015: 120].

Управление училищами учебного округа до 1835 г. выполнял столичный университет [Жуковская, Калинина, 2014]. Уставом учебных заведений, подведомственных университетам (1804 г.), была установлена система административного управления образованием, звеньями которой были: Министерство народного просвещения (министр народного просвещения) — Главное правление училищ (попечитель учебного округа) — университет (ректор университета) — Дирекция народных училищ (директор народных училищ в губернии) — смотритель уездного училища в уезде — приходской священник и один из почетных жителей в казенных селениях или помещик в помещичьих селениях. Таким образом, складывалось строго централизованное руководство школами, прямая зависимость низших звеньев от высших [Калинина, 2017: 100–101]. Система ведомственного подчинения в сфере народного просвещения предполагала строгий надзор над учебными заведениями. Визитации учебных заведений профессорами университета имели огромное значение и давали материал для составления отчета о состоянии округа, который представлялся от имени ректора университета. Группа источников, освещающих деятельность профессоров Петербургского педагогического института и Петербургского университета по обозрению и управлению училищами учебного округа (инструкции визитаторам, их отчеты), хранится в фонде Департамента народного просвещения (РГИА) и в фонде Канцелярии попечителя Петроградского учебного округа (ЦГИА СПб), в составе описей, отражающих деятельность

Педагогического института (1804–1819) и университета в Петербурге [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 4, 125; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9, 612]. Обстоятельства визитаций отражаются и в мемуарных источниках и дневниках визитаторов [Погодин, 1868; Никитенко, 1893; Шевырев, 1997].

Инструментом контроля со стороны учебного округа, губернской администрации за деятельностью училищ были «обозрения» (ревизии) учебных заведений профессорами, назначавшимися по выбору Конференции Педагогического института, впоследствии Совета Санкт-Петербургского университета. Совет определял «визитаторов из членов училищного комитета или других профессоров, поручая каждому одну или две губернии по местному положению для осмотра» [Сборник постановлений. . ., 1864: 297–298] и распоряжался о снабжении их путевыми деньгами из штатной суммы университета. Профессор-визитатор мог сопровождать попечителя учебного округа в его поездках по губерниям, а мог совершать инспекцию и самостоятельно.

Проверяющим вручалось специальное «наставление», где указывалось, что они не только обозревают училища и составляют отчет об их посещении, но «должны вести беседу с гражданами, дружески внушать пользу учения и советовать, чтобы они отдавали детей в училища» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 3]. Так, в задачи профессора логики и философии П. Д. Лодия, обозревавшего столичный учебный округ в 1811 г., входило содействие губернскому учебному начальству при открытии новых школ в уездных городах Олонекской и Архангельской губерний. Кроме того, визитаторы оценивали деятельность губернского директора училищ, «какую наклонность привил он в жителях к заведению приходских училищ и вообще к просвещению» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 7]. Такие «наставления» составлялись для каждой ревизии отдельно. По штату Главного педагогического института на содержание визитатора по Санкт-Петербургскому округу выделялось 4000 руб., кроме того, на путевые издержки, по усмотрению университетского совета, отпускалось еще 200–300 руб.

Во время визитаций профессора знакомились с деятельностью учебных заведений на местах. Инспектирование со стороны университетских чиновников редко выходило на уровень приходских сельских школ, обычно осмотру подвергались гимназии и уездные училища. Столичные проверяющие не посещали наиболее отдаленных мест, полностью полагаясь на отчеты смотрителей уездных училищ. При этом велись подневные записки (журналы) визитаций.

Прибыв на место, визитаторы сначала знакомили директора училища и учителей с данными им от попечителя «наставлениями», затем приступали к обозрению учебных заведений. Профессора интересовались ходом учебной и воспитательной работы в училищах, экзаменовали учащихся. Они знакомились с документацией, проводили собеседования с директором, смотрителями и учителями. При проведении индивидуальных бесед с педагогами и училищными чиновниками особое внимание уделялось вопросам методики преподавания учебных предметов, наличию учебников и учебных пособий, выполнению учителями обязанностей, связанных с организацией экскурсий, составлением истории гимназий, ведением метеорологических наблюдений. Особого одобрения со стороны визитаторов заслуживало составление преподавателями различных записок-комментариев к учебникам и учебным пособиям. По окончании осмотра визитатор проводил общее собрание педагогического коллектива гимназии, на котором подводились итоги визитации, указывались положительные

и отрицательные стороны деятельности школ. После осмотра учебных заведений визитаторы представляли Училищному комитету письменный отчет о результатах обозрения, отражая в нем состояние осмотренных училищ, качество подготовки учителей и преподавания, качество знаний учащихся.

Губернские училищные власти старались совместить с прибытием визитатора открытие нового учебного заведения и провести его в торжественной обстановке. Настоящим праздником для жителей Петрозаводска стало открытие Олонецкой губернской гимназии в 1811 г., совпавшее с приездом в Петрозаводск визитатора, профессора Петербургского педагогического института П. Д. Лодия для обозрения учебных заведений Олонецкой и Архангельской губерний. Во время этой продолжительной инспекции дотошный Лодий доехал даже до «медвежьих углов» отдаленных уездов. В своем отчете он обратил внимание на деятельность незаконных школ, отметив, что жители Каргополя «преимущественно отдают детей своих на учение священникам, содержащим домашние школы без всякого порядка» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 3]. Каргопольский городничий обещал проверяющему из Петербурга «прекратить сии беспорядки». В том же 1811 г. П. Д. Лодий, inspectируя училища Архангельской губернии, присутствовал при открытии Архангельской гимназии.

Такие обозрения имели большое значение. С одной стороны, для губернских дирекций народных училищ открывалась возможность для решения на месте многих организационных и финансовых проблем с прибывшим из столицы представителем окружного начальства, а учителя гимназий получали от университетского профессора ценные методические рекомендации и замечания. С другой стороны, визитации давали Училищному комитету важную информацию о состоянии школьного дела на местах. В то же время они служили живым связующим звеном между гимназией и университетом, формировали у лучших учеников мотивацию к поступлению в университет, а иногда заранее обеспечивали их протекцией.

Профессора-визитаторы вникали в проблемы организации и хозяйственного обеспечения училищ, постановки преподавания различных предметов. В свою очередь, они использовали накопленный опыт провинциальных педагогов для написания необходимых учебных пособий и программ. Например, профессорами Петербургского университета Е. Ф. Зябловским и Н. Г. Устряловым были написаны учебники и методические пособия для гимназий, уездных и приходских училищ, первым — по всеобщей географии [Зябловский, 1821], вторым — по русской истории [Устрялов, 1839].

Для университетских профессоров визитации становились дополнительной нагрузкой и отрывали их от основных занятий. Эти поездки обычно занимали не менее 2–3 месяцев, причем происходили не в летнее (ваканионное) время, а в середине учебного года, осенью или зимой: по плохим дорогам, с неустроенностью дорожного быта. Эти тяготы, а также необходимость составления подробных отчетов лишь отчасти возмещались двойным окладом жалованья визитаторам на время путешествия.

Визитаторы-профессора в 1800–1830-х гг. контролировали систему школ как на уровне губернских городов, так и на уровне уездных училищ не только столичной, но и отдаленных губерний учебного округа. Контроль за деятельностью педагогов облегчался тем, что многие из них сами были питомцами Санкт-Петербургского университета.

После 1835 г. функции контроля за преподаванием были возложены на инспекторов казенных училищ, также приезжавших из центра учебного округа в отдаленные губернии. Они не только вникали в содержание и ход преподавания, но и давали ценные методические рекомендации. Так, инспектор петербургских казенных училищ П. П. Максимович, осматривая в 1838 г. Архангельскую гимназию, обратил внимание на механический характер преподавания Закона Божьего. В своем отчете инспектор написал, что одного механического способа обучения, затверживания уроков наизусть — недостаточно, учителя должны «передавать свое учение» так, чтобы это было доступно для детского возраста, чтобы ученики «могли усвоить выученное и дать в том отчет, и сами объяснить друг другу» [ГААО. Ф. 127. Оп.1. Д. 21. Л. 207].

С. С. Уваров стал инициатором прекращения периода университетского управления училищами. Введенное «Положение об учебных округах» передавало все управленческие функции в руки попечителей учебных округов. Система администрирования училищ, в которой университет был центральным звеном, была реформирована, но и после 1835 г. попечители округов могли пригласить в поездку по округу профессоров в качестве экспертов. Последняя ревизия училищ с участием университетских профессоров была проведена в 1863 г., когда А. Ф. Постельс обозревал Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую гимназии [Постельс, 1863]. В пореформенное время инспектирование училищ в рамках локальной территории могло быть организовано и на министерском уровне [Обозрение..., 1877].

Визитации училищ духовного ведомства

Контроль за деятельностью подведомственных учебных заведений в духовно-учебном округе осуществлялся также через их «обозрения» (ревизии, визитации). С 1814 г. их проводили члены академических Конференций по утверждению Комиссии духовных училищ. Статьи 455–468 «Устава Духовной академии» посвящены визитации духовных училищ [Устав..., 1830: 951–953]. Они определяли круг прав и обязанностей ревизора. Проверяющие обозревали училища, составляли ежедневные отчеты о проделанной работе, проводили публичные испытания учащихся. При проведении экзаменов строго следили за исполнением статей уставов, отмечая не только успехи учащихся, но и «образ учения» преподавателей. Они интересовались учебной и хозяйственной деятельностью школ, оценивали деятельность ректоров, смотрителей и преподавателей училищ. После осмотра учебных заведений представляли в правление Академии письменные отчеты о результатах обозрения, отражая в них состояние осмотренных училищ, качество подготовки учителей, их преподавания и знаний учащихся. Проверяющий инспектировал все духовные школы, встречающиеся на пути его следования по епархии. Режим визитаций не был регулярным. Так, в дореформенное время ревизии олонечких духовно-учебных заведений проводились в 1811, 1833, 1839, 1844, 1852, 1855 гг.

Для проезда к месту назначения ревизору выдавались деньги на командировочные расходы и инструкция, составленная членом Комиссии духовных училищ по Санкт-Петербургскому учебно-духовному округу архиепископом Феофилактом (Русановым).

В отчетах ревизоров содержались данные о состоянии учебного процесса, «не было ли перерывов учения в учебном году, кроме вакационных и табельных дней», получили ли ученики аттестаты и свидетельства

об окончании школ, были ли увольнения из школ без уважительной причины («по неспособности и нетерпимому поведению»). Важным разделом в отчете являлось личное мнение ревизора о состоянии духовных учебных заведений, об уровне преподавания предметов, о благонравии и прилежании преподавателей и учащихся. Проверяющий сообщал академическому правлению «свои мысли о способностях и прилежании самих членов семинарского правления и всех учителей с показанием истинной цены каждого из них» [Устав..., 1830: 953].

Так, в отчете настоятеля петербургского Благовещенского собора А. Минюшского о ревизии 1811 г. были даны краткие характеристики преподавателей и начальников олонецких духовных школ. Деятельность ректоров уездных духовных училищ И. Н. Ярославлева, игумена Иосифа, И. С. Нечаева ревизором были отмечены положительно: они рачительны, способны, усердны, старательны. Что касается учителей, то в отчете встречаются разные оценки их работы. Удостоились похвалы педагоги Петрозаводского уездного и приходского училищ, а учителя Вытегорского, Лодейнопольского приходских училищ С. Громцев и А. Спасский, наоборот, получили нарекания за «невоздержанность» и «дурное поведение», выразившееся в пьянстве [РГИА. Ф. 802. Оп.1. Д. 501. Л. 2, 116 об., 235, 241].

Такие обозрения, предоставляя в центр важную информацию о состоянии училищ, давали возможность решить некоторые проблемы организации духовного образования на местах. Например, отчет А. Минюшского за 1811 г. с информацией о тяжелом положении некоторых приходских училищ инициировал их закрытие, а сообщение о бедственном положении учащихся, ежедневно просящих милостыню, послужило толчком для увеличения сумм бурсачного и полубурсачного содержания в училищах Санкт-Петербургского учебно-духовного округа.

Однако обозрения духовных школ профессорами духовных академий не всегда были результативны. На значительные недостатки в самой организации ревизий указывал дореволюционный церковный историк, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии Б. В. Титлинов. Он утверждал, что ревизии занимали слишком непродолжительное время (3–4 недели), недостаточное для посещения всех учебных заведений епархии, поэтому ревизии часто носили формальный характер. Профессора, во время краткого посещения школ присутствуя только на экзаменах, не могли подробно познакомиться с методами преподавания в семинариях и адекватно оценить успехи или недочеты в деятельности преподавателей. К тому же ревизорами назначались почти исключительно монашествующие, ректоры, инспекторы и преподаватели академии, «а это были люди, большей частью не специалисты на педагогическом поприще, а только переходные, и потому наименее пригодные к ревизорской роли» [Титлинов, 1908–1909].

Современная оценка ревизий духовно-учебных заведений предложена Н. Ю. Суховой, которая отметила, что «академические ревизии изначально были действенны, а ревизорские отчеты содержали аналитические суждения и практические советы» [Сухова, 2012: 65]. Однако преподаватели духовных академий, занятые собственным преподаванием, редко погружались в ход учебного процесса подведомственных училищ и не имели возможности оценить реальную картину преподавания учебных предметов.

Значительная занятость профессоров духовной академии в экзаменационный период (июнь-июль) заставила Комитет Духовных училищ поручить проведение ревизий духовно-учебных заведений местным епархиальным архиереям. Это произошло в июне 1839 г., когда внешнее правление Санкт-Петербургской духовной академии обратилось в Духовно-учебное управление с просьбой об отмене обозрений подведомственных семинарий по учебной, нравственной и экономической частям, так как «действительные члены академической конференции, кои почти все тут наставники академические, при окончании нынешнего курса учения имеют много занятий по академии» [ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1953. Л. 30].

Восстановить хронику и формы инспектирования мы можем по выписке из Журнала правления Олонецкой духовной семинарии «о действиях экстраординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии, члена академической конференции иеромонаха Макария» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 52 об.]. В документе представлена хроника пребывания ревизора в Петрозаводске 5–12 июля 1844 г. Так, 5 июля, в здании семинарии Макарий встретился с епархиальным архиереем Аркадием (Федоровым) и просматривал журнал правления семинарии. 6 июля — в присутствии членов правления с 9 часов утра производил испытания семинаристов высшего отделения по догматическому и нравственному богословию, а вечером с 18 до 20 часов осматривал семинарскую библиотеку. 7 июля — с 9 до 14 часов ревизором были проведены экзамены в среднем и низшем отделениях семинарии по классу Священного писания и логике, с 18 до 20 часов — по алгебре и латинскому языку. 8–11 июля — в первой половине дня Макарий продолжил посещение экзаменов, а затем в здании семинарии проверял финансовую и делопроизводственную документацию, архив, книгохранилище, посетил семинарскую больницу, наемные квартиры учащихся. 12 июля он экзаменовал учащихся Петрозаводских уездного и приходского духовных училищ.

Интерес для исследователей представляет мнение Платона (Городецкого) об уровне преподавания математики, содержащееся в отчете о ревизии Олонецкой семинарии в 1833 г. Во время проверки о. Платон заметил, что математический курс в семинарии слишком сложен для обучения и предложил Комиссии духовных училищ его пересмотреть «для облегчения и пользы учащихся». Данное предложение было принято Комиссией и «взято в соображение» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 52 об.]. Упрощение математического курса в семинариях произошло в 1840 г.

Во второй половине XIX — начале XX вв. духовные школы ревизовали члены Учебного комитета при Святейшем Синоде и свои обзоры по результатам обозрений издавали отдельными сборниками [Лебедев, 1869; Керский, 1873; Миропольский, 1875; Григоревский, 1876].

Конфликты во время визитации

В целом визитации училищ проходили довольно спокойно. Проверяющий составлял отчет с указанием недочетов в работе того или иного учебного заведения и отправлял его в вышестоящие инстанции. В рассматриваемый период исключением, зафиксированным в исторических источниках, стала уже упомянутая ревизия духовных училищ Олонецкой губернии, проведенная в 1833 г. инспектором Санкт-Петербургской духовной академии архимандритом

Платоном (Городецким). Проверка выявила хорошее состояние Олонецкой духовной семинарии и семи олонечких училищ как в учебном, так и в нравственном отношении. Среди недостатков, замеченных ревизором, отмечались лишь некоторые погрешности в оформлении делопроизводственных бумаг, которые, по мнению Платона, «происходили по неопытности секретаря и эконома семинарии». При этом ревизор особо отметил деятельность ректора Аполлинария (Вигилянского): «Наставник добрый, могущий поучать других словами, а паче делами. К ректорской должности он усерден <...> его 11-летнее исправление должности всегда похвально и заслуживает внимание начальства» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 17]. Добавим, что до назначения в Олонецкую духовную семинарию Аполлинарий (Вигилянский) имел 7-летний стаж службы в системе духовного образования.

Тем не менее ревизор был озабочен тем, что некоторые учителя совмещают преподавание с церковным служением. Как видно из донесения, такие преподаватели часто пропускали учебные занятия или приходили на уроки неподготовленными. Например, Ф. Рождественский, ключарь Кафедрального собора, по мнению инспектора, «довольно сведущ в своих предметах, но, кажется, мало посвящает времени на приготовление к преподаванию оных, вероятно, развлекаясь епархиальными должностями» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 18]. Рекомендации ревизора в этом случае сводились к увольнению таких учителей от преподавательской должности или переводу их в другое учебное заведение.

Отчет Платона (Городецкого) по обозрению Олонецкой семинарии был подан на рассмотрение епископу Игнатию (Семенову), который, в свою очередь, отчет не одобрил. В июле 1834 г. он направил жалобу в Комиссию духовных училищ с обвинениями в адрес и ревизора, и ректора Олонецкой семинарии. По мнению преосвященного, ревизор Платон (Городецкий) слишком мягко отозвался о деятельности ректора, не приняв во внимание все замечания, высказанные в его адрес: о слабом преподавании уроков богословия, неаккуратном ведении семинарского делопроизводства и финансовых документов. В то же время критика проверяющего в адрес ключаря Ф. Рождественского была расценена как «урон лица преосвященного». «Епархиальные сотрудники, — писал Игнатий, — были призваны мною при открытии епархии и под моим руководством обучены к прохождению должности» [Там же: Л. 119]. Епископ Игнатий не только подверг отчет Платона (Городецкого) критике, но и усомнился в нравственных качествах самого проверяющего, сообщив, что «сам же Платон позволял себе нюхать табак в присутствии преосвященного» [Там же].

Жалоба преосвященного Игнатия послужила поводом для открытия судебного разбирательства, которое длилось в течение 1834–1839 гг. Комиссия духовных училищ в 1836 г. потребовала подробных письменных объяснений от ревизора и ректора, которые в своих показаниях были единодушны: работали честно, никаких нарушений Устава не совершали. Платон (Городецкий), в частности, писал: «Представив сие объяснение и по совести не находя себя виновным в том, что доносил на меня преосвященный Игнатий, утверждаю, что освидетельствование семинарии проведено мною добросовестно и с крайним разумением <...> Я никогда не думал, что без вины должен буду отвечать перед высшим начальством как нерадивый и злонамеренный чиновник» [Там же: Л. 202–202 об].

Дело Платона (Городецкого) рассматривалось в разных инстанциях. Первоначально в 1837 г. оно разбиралось в Санкт-Петербургском академическом правлении, которое резюмировало, что архимандрит Платон свободен от дела: «Объяснение Платона по всем пунктам <...> основательны и достаточно показывают, что <...> изложенное в ревизии донесение не вымысел». Затем в августе-сентябре 1839 г. дело рассматривала Комиссия духовных училищ и Духовно-учебное управление при Святейшем Синоде. Св. Синод признал безосновательность подозрений епископа Игнатия (Семенова) против Платона (Городецкого), которые были основаны на «личном неудовольствии ревизора». Епископу Игнатию было поставлено на вид, чтобы он «на будущее время о действиях лиц, уполномоченных от высшего начальства и с усердием исполняющих возложенные на них поручения, доносил своевременно, с должной осторожностью, с полным убеждением и исследованием, не основываясь на одних словах своих приближенных <...>, и удалился от подобных случаев, которые тяготеют над подсудными и отвлекают и высшее духовное начальство от занятий более важных» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 203, 242]. Таким образом, конфликт был исчерпан, а Комиссия духовных училищ встала на сторону проверяющего. Конфликты подобного рода, возникавшие в ходе ревизий, случались и в последующие десятилетия, однако синодальное начальство считало это дело внутренним и старалось не предавать особой огласке нарушения, выявленные в ходе проверок духовных учебных заведений.

Инспектирование начальных училищ Кольского уезда Архангельской губернии

Кольский уезд был наиболее отдаленной территорией Архангельской губернии, на значительной части его территории проживали коренные народы Севера (саамы). В связи с неразвитостью сети городов и поселков в первой половине XIX в. единственным учебным заведением уезда было приходское училище в городе Кола, открытое в 1839 г. По случаю открытия училища «Архангельские губернские ведомости» сообщали: «День открытия был радостным для всех родителей, не имеющих никаких средств для первоначального обучения детей своих <...>, кроме того, многие отцы семейств просили смотрителя о принятии детей их по возвращении с рыбных и звериных промыслов» [Об открытии училища..., 1839].

Надо сказать, что по числу грамотного населения Кольский уезд отставал как от уездов Олонецкой губернии, так и от других уездов Архангельской губернии. В 1833 г. в целом по Архангельской губернии соотношение числа грамотных к общему числу жителей составляло 1:112, в уездных городах Холмогорске и Онеге — 1:27, в Мезени — 1:48, в Шенкурске — 1:13, в Коле — 1:20 [Калинина, 2017]. Число желающих обучаться в Кольском училище было невелико.

Инспектирование школ Кольского уезда, как правило, совмещали с поездкой по Кемскому уезду Архангельской губернии (с 1859 по 1883 гг. Кольский уезд был включен в состав Кемского уезда). Поскольку на данной территории расстояние между школами, которые обязан был посетить штатный смотритель, было значительным, а дорога сопровождалась различными трудностями, инспектирование школ отдаленных уездов проводилось нечасто.

Вот что писал в своем рапорте директору училищ Архангельской губернии смотритель Кемского уезда Ф. Никитин в марте 1839 г.: «По отдаленности расстояния Колы от Кеми, нерегулярности сообщения в особенности весной и осенью, также и летом, посещают Колу только зимой, ибо путь летом морем, озерами и пешком через тундру и болота весьма затруднителен. А потому <...> всегда встречаются препятствия, ибо взаимная переписка и получение ответов от школ или меня летом длится месяц и более, а осенью и весной около 3-х месяцев <...> Издержки поездки моей в Колу <...> простирались ныне до 165 руб. Здесь разумеются издержки, употребляемые на прогоны, продовольствие в пути и наем квартиры в Коле и в 2-х селениях Кольского уезда, где я, расстроенный многотрудным путем, вынужден был останавливаться; на одежду, обувь и прочие дорожные потребности, необходимые для столь отдаленного пути по суровости климата, заимствованы мною на время [ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 79. Л. 79; Калинина, 2017: 185].

Дабы смотрители использовали казенные средства по назначению, в ноябре 1834 г. вышло распоряжение Министерства народного просвещения «О разъездных деньгах директоров и смотрителей училищ», в котором говорилось, что хотя суммы на прогоны по уезду для обозрения училищ будут выдаваться смотрителям в виде прибавки к жалованью безотчетно, но при этом «надлежит поставить им в обязанность и наблюдать, чтобы они непременно обзревали подведомственные им учебные заведения» [О разъездных деньгах..., 1834: 153]. В декабре 1834 г. Министерство распорядилось выдавать прогонные деньги только тем штатным смотрителям, которые «имеют в ведении своем приходские училища, находящиеся не в одном городе с уездным, а только на дальнем расстоянии, и их посещение сопряжено по необходимости с большими издержками, с той целью, чтобы они не могли уклоняться от посещения вверенных надзору их училищ» [Там же].

С началом активной колонизации численность населения на Кольском Севере росла, открывались новые школы. В Кольском уезде на 1896 г. насчитывалось 15 населенных пунктов: город Кола, 14 сел, 20 лопарских погостов, 15 колоний и становищ и 1 выселок [Краткое описание..., 1896: 205]. В уезде действовали два одноклассных училища, подчиненных Министерству народного просвещения (в Коле и Кузомени), 10 церковно-приходских школ и 4 школы грамоты. Во всех церковных школах в 1894/1895 учебном году обучалось 286 мальчиков (из 620) (включенных в перепись. — *Авт.*) и 62 девочки (из 564) [Там же]. Грамотность была достаточно низкой, 71 % детей оставались без обучения. Кроме того, показатели грамотности сильно зависели от населенного пункта, так, в городе Коле 52 % жителей были грамотными, тогда как в лопарских селах — лишь 5 % [Ушаков, Киселев, 1984: 64].

В конце XIX в. на Кольском Севере начинает создаваться система начального образования. Особой задачей представлялось учреждение школ для «инородческого», то есть неславянского населения Кольского уезда. Главным институтом, взявшим на себя заботы по созданию школьной системы и просвещению коренного населения края в конце XIX — начале XX в., была церковь. Епархиальное начальство понимало, что «только посредством школы возможно возрождение и просвещение инородцев в духе православной церкви» [ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 83]. В распространении просвещения среди

коренного населения Кольского п-ова важную роль сыграло постановление Архангельского епархиального съезда духовенства от 23 января 1887 г. об открытии школ грамоты среди лопарей, зырян и самоедов, «из которых бы лучшие ученики поступали стипендиатами в духовные училища с тем условием, чтобы они по окончании учения обязались посвящать себя деятельности в видах религиозно-нравственного влияния на инородцев» [Там же]. Вслед за этим постановлением благочинному Кольского уезда священнику Георгию Терентьеву поступил запрос о том, сколько в лопарских приходах есть церковно-приходских школ, и пользуются ли школы сочувствием со стороны лопарей [Там же]. В епархию был направлен следующий ответ: «Церковноприходских школ в лопарских приходах нет за неимением средств у лопарей, равно и у причтов, мало обеспеченных жалованием. Мальчиков и девочек у лопарей не мало, нельзя сказать, чтобы лопари не желали отдавать детей учиться грамоте, только дело зависит от того, что они не могут их содержать в училище по своей бедности. Лопари сознают пользу в грамотности и даже сочувствуют» [ГОКУ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 17]. Незамедлительно от Архангельской духовной консистории поступило предписание о том, что всем священникам лопарских приходов необходимо озаботиться открытием церковно-приходских школ и школ грамотности в лопарских приходах [ГОКУ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 319]. К 1913 г. на территории Александровского (до 1899 г. Кольского) уезда работали 14 церковно-приходских школ [Тематический обзор..., ЭР].

Инспектирование церковно-приходских школ в отдаленных лопарских погостах, как правило, осуществляли местные благочинные или, в редких случаях, служители церковного ведомства, назначенные Архангельским епархиальным училищным советом. Отчеты о таких проверках содержат ценную информацию о различных сторонах учебного процесса в начальных церковно-приходских школах Кольского Севера. В инспекторских отчетах дается характеристика особенностей учебного процесса, характеризуются успехи учеников в тех или иных предметах. Кроме того, оценивается и профессиональный уровень учительства (преподавателями начальных церковно-приходских школ чаще всего были священники местных церквей или учительницы, окончившие Архангельские епархиальные курсы). В инспекторских отчетах приводятся данные об особенностях финансирования деятельности школ, наличии необходимых учебных принадлежностей. Кроме того, в отчетах содержатся замечания инспекторов об «отношении местного населения к делу образования», то есть о стремлении родителей того или иного населенного пункта отдавать детей в школу, а также об участии родителей в финансовой помощи школе. Проверяющий обязательно указывал на необходимость конкретных мер по улучшению деятельности инспектируемой школы. Это могли быть как частные замечания, касающиеся методики преподавания, так и пространные суждения автора о путях повышения уровня грамотности коренного населения и привлечения детей в школы. Например, в отчете проверяющего Ловозерской миссионерской церковно-приходской школы, состоявшей под наблюдением Кемско-Александровского отделения Архангельского епархиального училищного совета, за 1906 г. дается следующая характеристика работы школы: «Твердому усвоению материала препятствовало неединовременное поступление детей в школу, <...> неаккуратное посещение детьми школы вследствие небрежения родителей, также и краткость учебного времени для детей, в домашнем и кочевом быту

не говорящих по-русски, отчего забывается ими излагаемое в школе» [ГОКУ ГАМО Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 82]. Проверяющий констатирует и существующие проблемы с дисциплиной: «Бороться со своеволием детей — задача трудная: вне школы они все время проводят без надзора и попечения родителей об их поведении. Состоятельность ижемцев дает им возможность не ограничивать себя ни в чем и баловать детей, для которых праздность взрослого населения в учебное время заразительна. Вообще стоит заметить, что труд учащего в подобных условиях оказывается крайне неблагодарным» [Там же]. В целом в отчетах инспекторов начальных училищ конца XIX — начала XX вв. фиксируются основные трудности в работе школ в лопарских погостах: недостаточность финансирования, малое количество учащихся, большинство из которых не знают русского языка, отсутствие поддержки со стороны местного населения, несоответствие учебного цикла хозяйственному календарю традиционной промысловой деятельности коренного населения.

Кроме инспекторских проверок школ уездными наблюдателями (как правило, священниками), в отдаленные уезды время от времени направляли проверяющих из Архангельска. Так, в 1911 г. для проверки работы начальных церковно-приходских школ архангельское епархиальное начальство решило командировать в северные уезды своего чиновника Николая Козмина. Он родился в семье священника Шенкурского уезда Архангельской губернии, получил духовное образование. Не желая, по-видимому, становится священником после окончания училища, он продолжил учебу, получил степень кандидата богословия и стал преподавателем в Архангельском духовном училище. Николай Козмин так или иначе участвовал во всех просветительских мероприятиях Архангельской епархии. Он являлся активным участником Церковно-археологического комитета и Епархиального комитета православного миссионерского общества в Архангельской епархии, которое занималось, в частности, привлечением в православие «инородцев», проживающих на окраинах Российской империи.

Поскольку Николай Козмин, помимо преподавательской и организаторской деятельности, занимал должность архангельского епархиального наблюдателя церковных школ, то зимой 1911 г. был вынужден отправиться в путешествие по Александровскому уезду для обозрения состояния школьного дела в «неведомой дотоле Лапландии». Его путешествие по Лапландии длилось около двух месяцев, с конца января по конец марта. После возвращения инспектор, имеющий тягу к литературному творчеству, опубликовал свои наблюдения в виде путевого очерка, который получил название «По школам Лапландии. Дневник наблюдателя». В сочинении автор представил читателю описание школ в отдаленных саамских погостах (Кильдинском, Нотозерском, Ловозерском, Печенском и др.), а также культурно-бытовые особенности жизни коренного населения.

Лейтмотивом повествования автора становится описание стремления лопарей к просвещению, которое органично вписывается в колониальный дискурс конца XIX — начала XX вв. Маршрут служебной поездки Н. Козмина проходил по Архангельскому, Онежскому, Кемскому и Александровскому уездам. «На пути моего следования было немало школ, в которых я делал более или менее продолжительные остановки, вот почему только пробыв 23 дня в пути <...>, я вступил в пределы Александровского уезда», — писал Н. Козмин [Козмин, 1912: 3]. В поездке по Кольскому Северу его сопровождал уездный наблюдатель священник В. Мелентьев, более знакомый с особенностями жизни коренного

населения. Проводниками инспекторов в путешествии по зимней тундре были лопари. Передвижение на оленях, использование непривычных санок-болок, непогода, ночевки в лопарских тупах, делали служебное путешествие обременительным и трудным. «На душе тревога. Слышу завывание ветра. Хочется взглянуть, что делается кругом. И оттого, что не могу этого сделать, становится как-то обидно на кого-то и за что-то», — писал инспектор [Козмин, 1912: 6] Стоит отметить, что Николай Козмин не только инспектировал школы церковного ведомства, но и побывал на уроке русского языка в министерском училище г. Колы «согласно просьбе инспектора народных училищ», что свидетельствует о тесной связи между духовным и светским ведомствами в деле просвещения в отдаленных северных уездах Российской империи.

Описания школ в лопарских погостах в целом схожи между собой (см. подробнее: [Казакова, 2018]). Общее количество учащихся не превышает, как правило, 30 человек. Учебный год начинается только поздней осенью, когда лопари возвращаются с промыслов. Учитель в школе преподает все предметы за исключением Закона Божьего, которым с учениками занимается местный священник. «Если принять во внимание позднее начало занятий и инородческий состав учащихся, то станет понятным, что условия для ее (учительницы. — *Авт.*) работы здесь далеко не благоприятны», — резюмирует Н. Козмин после посещения школы в отдаленном Сонгельском погосте [Козмин, 1912: 13]. Инспектор вынужден констатировать, что во многих погостах, например, в Семиостровском и Йоканьгском, нет школ и «лопари здесь поголовно безграмотны». Несмотря на то, что автор пишет о стремлении лопарей к просвещению, он вынужден тут же признать, что никто из лопарей, получивших начальное образование в церковно-приходских школах, не продолжил свое обучение в средних духовно-учебных заведениях Архангельска из-за нежелания родителей отправлять своих детей «на чужую сторону». Таким образом, идея преемственности образования, законодательно оформленная постановлением Архангельского епархиального съезда духовенства от 23 января 1887 г. о готовности епархии организовать и финансировать образование детей «инородцев», сталкивалась с нежеланием лопарей отправлять своих детей в Архангельск.

В целом инспекторские проверки выявляли реальное состояние дел в отдаленных уездах епархий (училищных дирекций) Русского Севера. Визитации и инспекции в этих условиях сложились как эффективная личная форма контроля за работой учебных заведений. Поскольку служебная поездка инспектора ввиду неразвитости транспортного сообщения занимала много времени и сопровождалась различными трудностями, то инспектирование школ отдаленных уездов проводилось нечасто. Однако результаты таких проверок содержали важную для центра информацию о реальном состоянии дел в сфере просвещения в северных губерниях Российской империи.

Список сокращений

ГААО — Государственный архив Архангельской области.

ГОКУ ГАМО — Государственный архив Мурманской области.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга.

Список источников

- ГААО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 21.
ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 79.
ГОКУ ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111
ГОКУ ГАМО Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2
РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 4
РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125
РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 501.
РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322.
Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864.
Устав Духовной Академии // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 32. № 25673. СПб., 1830. С. 951–953.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 612.
ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1953.

Список литературы

- Григоревский М. Х. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в 1875 г. СПб.: Б. и., 1876. 60 с.
Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. Во главе училищ: административная деятельность дореформенного университета в России // Труды Ин-та российской истории РАН. 2015. № 3. С. 115–136.
Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 2. С. 22–32.
Зябловский Е. Ф. Всеобщее землеописание для употребления в губернских гимназиях Российской империи Санкт-Петербургского университета. СПб.: Напеч. при Имп. Акад. наук, 1821. 41 с.
Казакова К. С. Полярная «Одиссея» инспектора училищ Николая Козмина в 1911 году // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. № 28 (28). С. 140–147.
Калинина Е. А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2017. 736 с.
Керский С. В. Преобразование духовно-учебных заведений Вологодской епархии. СПб.: Б. и., 1873. 135 с.
Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / под ред. проф. С. В. Рождественского. М.: Польза; В. Антик и К°, 1910. 240 с.
Козмин Н. По школам Лапландии (Дневник наблюдателя). СПб.: Синод. тип., 1912. 31 с.
Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский / Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет. Архангельск: Типо-литогр. наследн. Д. Горяйнова, 1896. 267 с.

Лебедев С. И. О ревизии духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в 1868 г. СПб.: Б. и., 1869. 63 с.

Миропольский С. И. Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в 1872 г. СПб.: Б. и., 1875. 352 с.

Никитенко А. В. Записки и дневники. (1826–1877). СПб.: Типография А. С. Суворина, 1893. Т. 1. 588 с.

Обозрение министром народного просвещения графом Д. А. Толстым учебных заведений Олонецкой губернии (в августе 1877 г.) / Олонецкий губернский статистический комитет. Петрозаводск: Губ. Тип., 1877. 42 с.

Об открытии училища в городе Кола // Архангельские губернские ведомости. 1839. № 16.

О разъездных деньгах директоров и смотрителей училищ // Журн. М-ва народ. просвещ. 1834. Ч. 1, ноябрь. С. 153–154.

Погодин М. П. Школьные воспоминания. 1814–1820 // Вестник Европы. 1868. № 7–8. С. 603–634.

Постельс А. Ф. Отчет по обозрению гимназий Петрозаводской, Архангельской, Вологодской и Вятской и других учебных заведений Санкт-Петербургского и Казанского учебных округов с 15 февраля по 17 мая 1863 года члена Главного правления училищ Постельса. СПб., 1863. 56 с.

Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 658 с.

Тематический обзор по истории христианства и взаимоотношениям государства и церкви // Государственный архив Мурманской области. URL: <http://www.murmanarchiv.ru/index.php/exhibitions-events/reviews-and-lists-of-documents/130-2009-06-10-10-17-19>.

Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX веке. Вильно: Рус. почин, 1908–1909. Т. 2. С. 158–160.

Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь // Вологда в воспоминаниях и путевых записках, конец XVIII — начало XX века. Вологда, 1997. С. 61–78.

Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для учебных заведений. СПб.: Тип. Рос. акад., 1839. 362 с.

Ушаков И. Ф., Киселев А. А. История родного края. Мурманск: Кн. изд-во, 1984. 176 с.

Сведения об авторах

Жуковская Татьяна Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Калинина Елена Александровна

доктор исторических наук, директор Карельской региональной общественной организации охраны памятников истории и культуры

Казакова Ксения Сергеевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Zhukovskaya Tatyana N.

Ph. D. (History), Associate Professor of the Institute of History of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Kalinina Elena A.

Doctor of Science (History), Director of the Karelian Regional Public Organization for the Protection of Monuments and Culture

Kazakova Ksenia S.

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.92-109

УДК 061.62:65011(470.21)

А. Г. Саморукова, В. П. Петров

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ: КОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1963–1988 ГОДАХ

Аннотация

Прослежен путь развития Кольского филиала АН СССР с 1963 по 1988 гг., когда Филиал был преобразован в региональный научный центр АН СССР с существенным расширением круга его задач и укреплением материальной базы. Основное внимание уделено формированию основных научных направлений и связанным с ними структурным преобразованиям КФАН и его академических учреждений. Научные направления и структура Кольского филиала АН СССР, а затем Кольского научного центра РАН менялись в соответствии с приоритетными задачами, которые возникали в связи с освоением Кольского края.

Ключевые слова:

научные направления, структурные подразделения, лаборатория, отдел, комплексное научное учреждение, научный центр.

Antonina G. Samorukova, Valentin P. Petrov

ORGANIZATION OF SOVIET SCIENCE IN THE FAR NORTH: KOLA BRANCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN 1963–1988

Abstract

The article traces the development of the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences within the period from 1963 to 1988. At that time the Branch was transformed into a regional Scientific Research Centre of the USSR Academy of Sciences and its tasks and supporting material base were significantly expanded. The main attention was focused on forming the basic research areas and the structural changes connected to them. These research areas and fields together with the structure of the Kolar Branch and then Kola Scientific Research Centre changed and developed according to priority tasks related to exploration of the Kola region.

Keywords:

research areas, structural subdivisions, laboratories, departments, integrated research institution, scientific research centre.